

Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России

О.В. Галаева¹, В.В. Гулевская^{1,2}, Г.Г. Омелянюк^{1,2,3,4}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

³ ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

⁴ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва 119991, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы применения методологии политологической науки в рамках судебной экспертизы. Обоснована целесообразность организации производства судебной политологической экспертизы в судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Определены основания назначения судебной политологической экспертизы. Конкретизированы предмет, объекты, сформулированы типовые задачи, составлен примерный перечень вопросов.

Ключевые слова: *судебная политологическая экспертиза, правоприменительная практика, методология экспертного политологического исследования*

Для цитирования: Галаева О.В., Гулевская В.В., Омелянюк Г.Г. Судебная политологическая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 30–43.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-30-43>

Forensic Political Expertise: An Innovative Direction of Forensic Practice in the System of the Russian Ministry of Justice

Olga V. Galaeva¹, Viktoriya V. Gulevskaya^{1,2}, Georgii G. Omel'yanyuk^{1,2,3,4}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow 105005, Russia

³ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

⁴ Lomonosov Moscow State University, Moscow 119991, Russia

Abstract. The article discusses the prospects for applying the methodology of political science in the framework of forensic expertise. The authors justify the expediency of conduction of forensic political investigations in forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation. They also establish the grounds for appointing forensic political examinations. The subject, objects, typical tasks are specified, and a list of sample questions is provided.

Keywords: *forensic political investigation, law enforcement practice, methodology of forensic political investigation*

For citation: Galaeva O.V., Gulevskaya V.V., Omel'yanyuk G.G. Forensic Political Expertise: An Innovative Direction of Forensic Practice in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023. Vol. 18. No 1. P. 30–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-1-30-43>

Введение

В статье предпринята попытка инициировать и стандартизировать процесс проведения судебной политологической экспертизы: сформулировать теоретические контуры экспертного политологического исследования, адаптировать и выстроить экспертную аргументацию на базе теоретико-методологических оснований современного отечественного политологического знания, структурировать предмет, объект, задачи, перечень вопросов, ставящихся на разрешение судебной политологической экспертизы.

Актуальность судебной политологической экспертизы обусловлена анализом практики назначения и проведения различного рода судебных социогуманитарных, психолого-лингвистических и комплексных экспертиз с участием политологов. Проведенный анализ выявил комплекс экспертных ошибок, фактически приравнивающих экспертное политологическое исследование к грубо политизированной аргументации. Часто используемая экспертом «оптика» содержит в своей основе общенаучные принципы – несоразмерные масштабу рассматриваемого вопроса, сформулированные в учебной литературе и, как правило, ограниченные философскими представлениями о природе государства и гражданского общества, либо – методология сводится к умозаключению на основе компиляции политологической теории и законодательного текста. Кроме того, отсутствуют требования к компетенции экспертов: процедура их назначения не регламентирована и обычно не учитывает профессиональный профиль и специализацию судебного эксперта.

Распространенной практикой стало привлечение дипломированных специалистов из корпоративной гуманитарной среды – философов, историков, культурологов – занимающих должность на факультете политологии в высших учебных заведениях, либо осуществляющих профессиональную педагогическую деятельность в рамках образовательной программы высшего профессионального образования по направлению «Политология», но не практикующих прикладной политологический анализ. В среде экспертов очевиден выраженный мировоззренческий конфликт, разногласия в русле профессиональной этики, когда одни эксперты, исходя из своих идеологических предубеждений, рецензируют выводы других экспертов, обвиняя их в предвзятости и

аффилированности с правоохранительными органами.

В первую очередь необходимо определить роль экспертного знания в структуре политологического знания и предложить вариант оптимальной методологической «оптики», адекватной концепции проведения экспертного политологического исследования.

Экспертное знание в структуре современного отечественного политологического знания

Выбор теоретических ориентиров обусловлен не только высокой оценкой современного состояния отечественной политологии, но и вполне прагматичным пониманием нормативного характера западных концептов и нерелевантности западных моделей анализа в рамках осмысления российских политических процессов, основывающихся на материале не сопоставимом с отечественным. В структуре современного отечественного политологического знания экспертная деятельность образует относительно автономную сферу прикладных исследований. Разработка проблематики политологической экспертизы в отечественных исследованиях до настоящего момента проводилась в двух основных направлениях.

Первое направление рассматривает экспертную деятельность политологов с позиции профессиональной рефлексии. В частности, А.Ю. Сунгуров различает корпус российских политологов, осуществляющих публичную аналитическую деятельность и консультирование агентов власти, в зависимости от востребованности либо квалифицированного экспертного знания в процессе выработки политического решения, либо символического капитала, статуса и авторитета эксперта для публичной легитимации принятого решения [1, 2]. В этой связи очевидна высокая зависимость востребованности экспертной деятельности политологов от политической конъюнктуры. Следует отметить и позицию А.С. Макарычева, позиционирующего эксперта в качестве представителя эпистемологического сообщества, создающего «дискурсивные структуры легитимации» определенного политического порядка, как институт, который «присваивает и управляет когнитивными и эпистемологическими ресурсами – идеями, концепциями, стратегиями, но не производит их» [3, с. 19].

Второе направление разрабатывается в академическом ключе и акцентирует специфику познавательной деятельности эксперта. Так, А.А. Дегтярев выделяет практически-прикладное измерение политического анализа, отмечая доминирующий в его рамках ретродуктивный экспертный стиль мышления: «В отличие от “теоретика”, конструирующего абстрактные модели политики, и “инструментальщика”, занимающегося их операционализацией на уровне эмпирических данных, “прикладник” строит рабочую модель уникальной в своем роде проблемной ситуации, заимствуя для этого концептуальные знания у первого и фактическую информацию – у второго» [4, с. 156]. В данном случае подчеркивается эвристический характер задач политологической экспертизы и нетривиальность систем аргументации.

Тем не менее концепция проведения судебной политологической экспертизы не раскрыта даже в общих чертах, соответственно, не инициирована дискуссия о методологических основаниях ее проведения.

Таким образом, занимая позицию «пионеров» и не претендуя на достижение методологического консенсуса, но стремясь к соблюдению методологической корректности судебной политологической экспертизы, считаем возможным заполнить указанный пробел и представить когнитивную схему, которая, по нашему мнению, наилучшим образом отражает логику экспертного политологического исследования.

Аргументация на этот счет носит апагогический характер. Считаем уместным проиллюстрировать итог непоследовательного использования теоретических методологических основ политологического знания в ходе судебной политологической экспертизы.

Приведем кейс Антидискриминационного центра «Мемориал» – благотворительно-частного учреждения защиты прав лиц, подвергающихся дискриминации. В рамках судебного заседания обе стороны – защиты и обвинения – привлекли судебных экспертов, чья аргументированная дискуссия главным образом строилась вокруг принципиального вопроса о характере политической деятельности и потенциале влияния некоммерческой организации на процесс принятия политических решений.

Сторона защиты предоставила инициативное социогуманитарное и политологическое экспертное исследование, а сторона

обвинения – Прокуратура Адмиралтейского района Санкт-Петербурга – экспертное правовое исследование. Вопрос, поставленный стороной защиты в рамках инициативной политологической экспертизы, был сформулирован следующим образом: «Является ли публикация и распространение отчета “Цыгане, мигранты, активисты: жертвы полицейского произвола” политической акцией или политической деятельностью в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также формирование общественного мнения в указанных целях?»

Выводы привлеченных экспертов со стороны защиты и обвинения при обмене доводами были идентичны в части признания осуществления политической деятельности Антидискриминационным центром «Мемориал» и расходились лишь в оценке значительности влияния данной деятельности на реализацию государственной политики и общественное мнение. Так, сторона защиты оценивала степень данного влияния с точки зрения институционального подхода. Согласно этому отчет является лишь артикуляцией результатов исследования, актом проблематизации ряда политических решений, и теоретически способен инициировать политическую дискуссию на начальной «стадии формирования общественной повестки дня и определения приоритетных общественных проблем». Однако отчет не способен оказать влияние на последующую «стадию подготовки и выбора проектов государственного решения», «согласование и утверждение государственного решения», «законодательную реализацию государственных решений», что в целом нивелирует его значимость в массивной архитектуре государственной политики.

Сторона обвинения в рамках экспертного правового исследования интерпретировала распространение отчета с точки зрения исторического материализма. Они утверждают, что данное событие создает общественный резонанс, вследствие этого происходит бессознательная интернализация идейного содержания текста аудиторией, что оказывает значительное влияние на общественное мнение и активизирует протестный потенциал «народных масс». Суд удовлетворил исковое заявление прокурора, признав Антидискриминационный центр «Мемориал» иностранным агентом.

На наш взгляд, по мнению суда, заключения экспертов носили противоречивый характер и не могли быть положены в основу судебного решения.

Отмечаем, что принципиально не следует корректировать коллег – лишь констатировать бесплодность диалога представителей российского научного сообщества, одни из которых практикуют ортодоксальный марксизм, а другие идеализируют и упрощают процесс принятия политических решений в России, представляя его в виде абстрактной теоретической модели из учебного пособия для студентов высших учебных заведений.

Работа над ошибками должна начинаться с признания того, что принцип теоретической мультипарадигмальности в данном случае способствует искажению результатов экспертного политологического исследования. В этой связи допустимо предположение, что необходимо не просто определиться с методологическими рамками экспертного политологического исследования, а разработать их самостоятельно, учитывая специфику объекта и задач судебной политологической экспертизы.

По нашему мнению, «политическое объяснение» Г.Л. Тульчинского с использованием метафоры детектива (и как профессионального расследования преступлений, и в плане законов литературного жанра) в определенном смысле отражает логику экспертного политологического исследования: «Если научные объяснения дают ответы на вопросы, решают проблемы, раскрывая суть происходящего, то для пояснения уместно уподобление уровней нарративности структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией пазла, в котором могут обнаруживаться нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций» [5, с. 84]. В качестве подтверждения релевантности логики «политического объяснения» для анализа мотивации политической деятельности приведем кейс журналиста Николая Семена.

22 сентября 2017 года Железнодорожный районный суд г. Симферополя признал виновным Николая Семена по ч. 2 ст. 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» за публикацию

материала «Блокада – необходимый первый шаг к освобождению Крыма» на сайте «Крым. Реалии». В нем представлены рассуждения автора, следует ли Украине продолжать поставки продовольствия, строительных материалов и иных товаров на аннексированную территорию, вступая таким образом в заочную полемику с другим автором данного информационного ресурса, не считающего целесообразной экономическую блокаду Крыма.

Обвинение строилось на лингвистической экспертизе, проведенной сотрудником крымского управления ФСБ, который, по мнению стороны защиты, не смог убедительно обосновать политический мотив преступления, а также наличие призыва к нарушению территориальной целостности в условиях непринятия данного решения международным сообществом. Для этого адвокаты запросили соответствующую экспертизу, выводы которой сводились к тому, что призыв к нарушению территориальной целостности отсутствовал, речь шла об ограничении торговых отношений.

В данном случае привлечение политолога позволило бы усилить доводы лингвистической экспертизы и «достроить осмысление фактов до выявления мотиваций». Экономическая блокада, о которой рассуждал Семен, является не банальным ограничением торговых отношений или снижением разнообразия потребительской корзины, а практикуемой формой оказания внешнеполитического давления для принуждения к возвращению прежнего статус-кво – в данном случае отказа от претензий России на украинские территории, что составляет политический мотив экстремистской деятельности.

Рассмотрим методологические обоснования проведения судебной политологической экспертизы. Более пятнадцати лет назад отечественными политологами в рамках очередного обзора, посвященного состоянию и перспективам развития отечественной политической науки, было обозначено новаторское, специализированное и на тот момент не консолидированное междисциплинарное направление исследований политического пространства и времени [6]. В последующем проблематика политического пространства развивалась не столько в экстенсивном, сколько в интенсивном ключе. Достаточно быстро сложилась четкая дифференциация физической и феноменологической концепции политического простран-

ства: с одной стороны, как географического ландшафта, а с другой – как совокупности трансграничных сфер политической власти [7–9]. В свою очередь, темпоральность и цикличность трансформаций политического пространства, его динамическая целостность стали предметом изучения хронополитики [10, 11].

Российское политическое пространство имеет две проекции: географическую, совпадающую с государственными границами, и дискурсивную, соответствующую контурам интересов российского государства. При этом политическое время предполагает ретроспективу исторических событий, стратегическую перспективу развития, а также интроспективный характер текущих событий. Считаем, что пространственно-временной континуум, описанный с позиции двумерной системы координат пространства и времени, представляет собой многообразие событий – хронотоп. Таким образом, политическое событие является уникальной и в то же время универсальной «единицей» судебной политологической экспертизы. Иными словами, объектом экспертного политологического исследования является некое политическое событие.

А.Ф. Филиппов рассматривает политическое событие как «смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдению единство», подходом к изучению которого является «наблюдение в большом пространстве» [12, с. 8]. Л.В. Сморгунев отмечает манипулятивный потенциал политического события и принципиальную конструируемость событийной реальности. В данном случае акцент смещается с факта свершения события на его интерпретацию и освещенность в средствах массовой информации, что присваивает тому или иному событию статус политического: «Происходящее является сырым материалом для «производителя» события. Он должен вырвать происходящее из текучести и наделить его качествами событийности» [13; 14, с. 74].

Методологические основания проведения политологического исследования в рамках судебной экспертизы в наиболее общем смысле можно представить в формате когнитивной модели «политического события». Суть данной модели заключается в некотором абстрагировании от объема усвоенных, безусловно глубоких и качественных академических политологических знаний с целью рефлексивного «набледе-

ния» политического события, ретродуктивной интерпретации его феномена в рамках более объемного событийного повествования – нарратива либо широкого политического контекста.

Нормативно-правовой контекст политических событий как сущностный элемент экспертного политологического исследования

Применение специальных политологических знаний в сложившейся правоприменительной практике демонстрирует высокую зависимость от политической конъюнктуры – заданных «сверху» границ политкорректности, состояния политико-правовых основ публичного оспаривания. Таким образом, актуальный политико-правовой контекст, законодательно закрепленные принципы и приоритеты государственной политики являются своеобразной «матрицей» при проведении судебной политологической экспертизы.

На данный момент основным принципом и приоритетом государственной политики Российской Федерации является поддержание суверенитета и национальной безопасности государства. Важно отметить, что действующая стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Указ Президента РФ № 400), в отличие от предыдущей редакции документа, не уточняет критерии состояния национальной безопасности, относя данную функцию к исключительным полномочиям Президента РФ, вместе с тем конкретизирован и расширен список национальных интересов. В этой связи пристальное внимание уделяется проблеме эскалации радикализма и, в частности, политического экстремизма. В целях противодействия угрозам, связанным с курсом США на доминирование в Мировом океане и ростом активности НАТО, Указом Президента Российской Федерации от 31.07.2022 № 512 «Об утверждении морской доктрины Российской Федерации» к районам обеспечения национальных интересов России были отнесены акватории, прилегающие к побережью страны, включая Азовское и Черное море, восточную часть Средиземного моря. Присоединение Крыма к Российской Федерации, военная операция России в Сирии, а затем на Украине – ключевые события в логике реа-

лизации национальной морской политики Российской Федерации.

Официальная позиция российской власти об источниках политического экстремизма нашла отражение в программных государственных документах. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», Указом Президента РФ № 400, недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в России социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества, все более активно применяя не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри РФ. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114-ФЗ) классифицирует аспекты экстремистской политической деятельности на территории страны, в связи с чем конкретизированы тринадцать форм деятельности как проявление крайней девиации в контексте конституционных принципов и законодательных норм Российской Федерации.

Законодательное ограничение политической деятельности посредством ужесточения контроля над неконвенциональными формами публичного оспаривания осуществлялось последовательно на протяжении последних пятнадцати лет [15]. В начале 2000-х годов представление о формах политической деятельности ограничивалось функционированием общественных объединений как институтов гражданского общества, так и политических партий в рамках электоральных циклов. В данном ракурсе представление о неконвенциональных формах публичного оспаривания ограничивалось протестным голосованием – «против всех» либо за аутсайдеров электорального рейтинга [16].

Пересмотр внешней политики Российской Федерации в части обозначения вектора суверенных интересов, установление дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности, пересмотр «импортированных» либеральных представлений о гражданском обществе привели к необходимости законодатель-

ного ограничения продвижения интересов иностранных государств на территории страны. В этой связи была полярно дифференцирована мотивация участия юридических лиц, некоммерческих организаций, средств массовой информации и физических лиц в политическом процессе, в результате чего было введено понятие «иностранный агент», а также существенным образом трансформировалось понимание политической деятельности. Так, вступил в силу Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Далее, были конкретизированы формы политической деятельности некоммерческих организаций (Федеральный закон от 02.06.2016 № 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона “Об общественных объединениях” и статью 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях”»). Вместе с тем были конкретизированы критерии участия и формы политической деятельности на территории Российской Федерации физических лиц, выполняющих функцию иностранного агента (ст. 2.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»).

Обстоятельное изучение новых угроз потребовало усиления экспертной составляющей в процессе расследования преступлений экстремистской направленности. При расследовании подобных преступлений, как правило, назначается судебная лингвистическая и судебная психолого-лингвистическая экспертиза. При этом практикуется включение политолога в состав группы экспертов для проведения комплексной экспертизы. Данные действия согласуются, в частности, с п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо

лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). Возрастающий запрос на использование специальных политологических знаний подчеркивается и позицией авторов, применяемой в судебно-экспертных учреждениях Минюста России методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [17].

Актуальные направления применения специальных политологических знаний в рамках судебной политологической экспертизы

I. Экспертное политологическое исследование проводится для уточнения специфики экстремистской деятельности, а именно установления детерминирующего фактора – в данном случае мотива политической, идеологической деятельности. По нашему мнению, судебная психолого-лингвистическая экспертиза в большей степени ограничена парадигмой эгоцентрических мотивов, в то время как политический мотив социоцентричен по своей сути, что изменяет интерпретацию мотива экстремистской деятельности в рамках политологической экспертизы.

II. Экспертное политологическое исследование проводится для квалификации публичной социальной деятельности либо уточнения характера осуществляемой политической деятельности общественных организаций, средств массовой информации, юридических и физических лиц – и анализа потенциала ее масштабирования. В данном случае политология рассматривает политическую деятельность как феномен политического участия и стремится зафиксировать качественные различия между гражданской, социальной, политической направленностью указанной деятельности на данной стадии ее реализации, а также между протестной активностью и публичной деятельностью на основе исследования ее организационных, ценностных, идеологических характеристик [18, 19].

III. Сложившаяся на данный момент судебная практика доказывает необходимость привлечения специальных политологических знаний в делах об экстремизме, когда объектом радикализма является институт государственной власти либо социальный институт. ФЗ № 114-ФЗ не уточняет

уголовно-правовое значение «принадлежности к социальной группе», являющееся признаком объективной стороны преступления. Тем не менее отнесение ст. 282 к главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» позволяет сформулировать принцип ограничения реализации свободы выражения мнения интересами национальной безопасности, территориальной целостности и общественного порядка¹. Это предположительно задает направление для уточнения статуса и роли данной социальной группы в российском обществе.

IV. Специальные политологические знания крайне востребованы в рамках установления осуществления деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 01.07.2021 № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 УК РФ»), а также установления участия в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 28.06.2021 № 232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»). В данном случае роль судебной политологической экспертизы заключается главным образом в поиске сходства идеологии, символики, программных документов, практикуемых коммуникативных моделей организации, действующей на территории страны, с аналогичными атрибутами иных российских и иностранных организаций, относящихся к категории несистемной оппозиции, в том числе позиционирующих себя в формате партий популистского толка. Категория «нежелательности», имея геополитическую суть, привязана к сложившемуся географическому контуру, совпадающему с локализацией недружественных стран.

V. За последние несколько лет актуализировалась необходимость привлечения специальных политологических знаний в рамках установления оснований либо опро-

¹ Определение Конституционного суда РФ от 26.10.2017 № 2315-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 ст. 282 УК РФ».

тестования в судебном порядке включения Минюстом России некоммерческих организаций, физических лиц, средств массовой информации, незарегистрированных общественных объединений в реестр «иностранн-ных агентов» в части установления соответствия профиля деятельности, осуществляемой «иностранн-ным агентом», и в этой связи – содержанию «политической деятельности», установленной законодателем.

Анализ сложившейся на данный момент юридической практики оспаривания включения некоммерческих организаций в реестр иностранных агентов с привлечением судебной политологической экспертизы демонстрирует отсутствие консенсуса в сообществе судебных экспертов относительно «оптики» анализа политической деятельности иностранного агента. Соответственно, вместо сложившегося в среде экспертов стандарта или, по крайней мере, последовательности действий во всех случаях имеет место прецедент.

Специальные политологические знания могут быть использованы в рамках административного и уголовного судопроизводства по следующим статьям: ст. 20.3.3 КоАП РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях»; ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий»; ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях»; ст. 284.2 УК РФ «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». В контексте проведения специальной военной операции России на Украине и участия вооруженных сил страны в боевых действиях в зоне конфликта

данные алармистские меры согласуются со стратегией политической консолидации и недопущения эскалации политической напряженности общества в рамках военномобилизационной работы органов государственной власти. Задачей судебной политологической экспертизы в данном случае является установление формата политического протеста.

Разработка методики экспертного политологического исследования информационных материалов на предмет наличия признаков экстремизма могла бы стать перспективным направлением. Допустимо также проведение экспертного политологического исследования в качестве справочно-консультативной экспертной деятельности, например, на предварительной стадии публикации рукописи автора или утверждения сценария фильма, получившего государственное финансирование, для исключения впоследствии возможных разночтений.

Судебная политологическая экспертиза, вероятнее всего, не сыграет своей роли в случае расследования убийств по мотивам политической, идеологической ненависти или вражды (п. л ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство»). По крайней мере, в большинстве подобных резонансных преступлений – убийств правозащитников, журналистов, политиков. В современной России в лучшем случае установлены исполнители, в то время как заказчики либо не признают своей вины, либо не установлены.

Таким образом, в Российской Федерации крайне актуализирован запрос на использование специальных политологических знаний в рамках судебной экспертизы.

Предмет, объект, задачи судебной политологической экспертизы

Судебная политологическая экспертиза – процессуальное действие, осуществляемое лицами, обладающими специальными знаниями в области политологии, включая междисциплинарные отрасли политологической науки, которые дают заключение (в части своей компетенции) о деятельности субъектов политического процесса в ходе исследования с использованием методологических подходов и методики политологических исследований в актуальном политико-правовом контексте.

О.Н. Матвеева отмечает, что судебная политологическая экспертиза «устанавливает актуальное значение спорных объектов в аспекте приемлемости либо непри-

емлемости содержания и формы выражения информации с учетом современной общественно-политической коммуникации. Она направлена на анализ и оценку политических ситуаций, политического эффекта проблем, программ, проектов, хода и результата деятельности людей или политических институтов в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках административного или уголовного процесса» [21, с. 43]. Иными словами, специфика проведения судебной политологической экспертизы обусловлена интеграцией объекта в политический контекст с последующей предполагаемой оценкой «энтропии политической системы». В зависимости от задач судебной экспертизы политический контекст можно рассматривать как полный объем обстоятельств, установленных в ходе расследования преступления, как актуальную повестку дня российской власти, отраженную в программных заявлениях и официальных документах, как ретроспективу событий, в совокупности создающих некий нарратив, и пр.

Судебная политологическая экспертиза может быть назначена по делам, в рамках которых доминирующий мотив ненависти и вражды по признакам расы, национальности, языка, религии или идеологии является уголовно-правовым квалифицирующим признаком преступления: п. л ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство», п. е ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», п. е ч. 2 ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», п. б ч. 2 ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», п. б ч. 2 ст. 116 УК РФ «Побои», п. з ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание», ч. 2 ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ч. 4 ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», п. б ч. 1 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», ч. 2 ст. 214 УК РФ «Вандализм», п. б ч. 2 ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

Судебная политологическая экспертиза также может быть назначена в ходе расследования преступлений против общественной безопасности и общественного порядка: ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», ст. 205.4 УК РФ «Орга-

низация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», ст. 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий», ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки». Кроме того, к данной группе правонарушений относятся аналогичные действия (бездействие), не содержащие уголовно наказуемого деяния, включенные в главу 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность».

Политологический анализ информационных материалов также может быть востребован в ходе расследования преступлений экстремистской направленности, когда объектом преступления становится конституционный строй или государственная безопасность: ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», ст. 282.4 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», ст. 284.1 УК РФ «Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной

организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 284.2 УК РФ «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». При этом можно отметить и значимость судебной политологической экспертизы в процессе расследования преступлений против безопасности человечества (ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»).

Проведение судебной политологической экспертизы вполне уместно в ходе расследования преступлений против общественной нравственности: ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан», ст. 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола», ст. 6.21.1. «Пропаганда педофилии» и пр.

Проведение судебной политологической экспертизы оправдано в случае расследования административных правонарушений, посягающих на права граждан, в частности, по делам, связанным с нарушениями в ходе предвыборной агитации (ст. 5.10 КоАП РФ «Проведение предвыборной агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах», ст. 5.11 КоАП РФ «Проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума лицами, которым участие в ее проведении запрещено федеральным законом»).

Таким образом, судебная политологическая экспертиза в настоящий момент является одним из крайне востребованных видов судебных экспертиз. Как правило, она назначается в рамках расследования экстремистских преступлений, направленных против суверенитета, национальной безопасности и целостности российского государства:

- по делам, связанным с осуществлением экстремистской деятельности: распространением материалов противоправного содержания, возбуждающих национальную, расовую, религиозную вражду, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам, насилию;

- по делам о включении Минюстом России некоммерческих организаций, физических лиц, средств массовой информации, незарегистрированных общественных объединений в реестр «иностранных агентов», а также в порядке судебного оспаривания включения некоммерческих организаций, физических лиц, средств массовой информации, незарегистрированных общественных объединений в данный реестр;

- по делам о деятельности, а также об участии в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации;

- для исследования потенциала развития политического конфликта, вызванного публикацией либо публичным оглашением информационных материалов;

- для исследования культурно-ценностных и идеологических аспектов информационных материалов и пр.

Предмет судебной политологической экспертизы – фактические данные (обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных знаний в области политологии и имеющие значение для судопроизводства в рамках уголовных и административных дел.

Объекты судебной политологической экспертизы – любые опубликованные либо публично озвученные информационные материалы, включенные в политическую коммуникацию, и формы политической деятельности, в частности:

- уставные документы, программы, агитационные материалы политических партий и общественных организаций;

- пропагандистские материалы, лозунги, жесты;

- политическая символика, плакаты, карикатуры, субкультурное уличное искусство, мемы, публикации, переписки, фото-графии;

- аудиоматериалы, видеоматериалы, размещенные в эфире радио, телевидения, а также в интернете, на внешних носителях информации, фиксирующие политическую деятельность;

- тексты рукописей, музыкальных произведений, а также тексты, опубликованные в виртуальном профиле, комментарии, оставленные в интернете, в том числе с использованием специальных идеограмм, эмодзи, определенных конфигураций знаков препинания;

– публичные политические выступления, заявления, обращения.

В общем смысле выделяют текстовую и нетекстовую модальность объектов политологической экспертизы, и множество их комбинаций. Нетекстовая модальность включает изображения, вариативность звуков и движений и может принимать форму простых графических символов (пиктограммы, монограммы, логотипы, эмблемы), инфографики (карты, диаграммы, таблицы, графики, планы, структуры, матрицы), изображений (коллажи, карикатуры, комиксы, графические и художественные картины, граффити, мемы), фотографии, видео-контент. Независимо от модальности категориальное значение объекта предполагает осмысление композиции кодов – вербального, визуального и звукового, что является объектом политической лингвистики и политической семиотики.

Объект судебной политологической экспертизы не изучается в отрыве от контекста, содержащего:

– полный объем обстоятельств, установленных в рамках расследования административного правонарушения либо уголовного дела, касающихся события преступления, характеризующих личность предполагаемого преступника;

– максимально полный объем информации из доступных открытых источников, прямо и косвенно характеризующей объект, в том числе зафиксированные варианты публикации, переписки, фотографий;

– широкий политико-правовой контекст.

Выбор ракурса структурирования и формализации контекста политологического исследования подчиняется двум целям – максимизировать его аналитический потенциал и гармонизировать процесс интерпретации события.

Таким образом, эксперт изучает всю доступную информацию об объекте, выстраивает причинно-следственные связи и логические цепочки из фактов политической повестки и законодательной практики, что в совокупности позволяет дать ответ на поставленный вопрос.

Задачами судебной политологической экспертизы являются, в частности:

– установление фактов наличия угроз и мотивов экстремистской направленности – проявлений вражды, ненависти, направленных против определенной социальной группы, а также призывов и действий, связанных с насильственным изменением

государственного строя, нарушением территориальной целостности государства, угрозой общественной безопасности;

– установление наличия элементов экстремистской идеологии или мировоззрения, нежелательных ценностей;

– установление наличия экстремистской символики, схожести с экстремистской атрибутикой либо символикой и атрибутикой прочих организаций, деятельность которых, в частности, признана нежелательной;

– установление осуществления политической деятельности, участия в политической деятельности;

– исследование динамики политических отношений, потенциала развития политического кризиса (политического конфликта), инициированного публичной демонстрацией политических убеждений;

– политологический анализ агитационных и пропагандистских материалов и действий;

– установление наличия конкретных политических убеждений, отраженных в программных документах и заявлениях функционеров общественных организаций;

– разрешение иных вопросов, относящихся к деятельности политических партий, общественных организаций и физических лиц в общественно-политическом процессе;

– иные вопросы, связанные с экспертной профилактикой (предварительным политологическим исследованием) политических материалов.

Типовые вопросы, которые разрешаются в рамках политологической экспертизы:

1. Является ли деятельность некоммерческой организации политической?

2. Носит ли материал агитационный характер? Является ли данная деятельность агитационной?

3. С точки зрения политологии, содержатся ли в представленном материале призывы к отчуждению части территории Российской Федерации?

4. Имеются ли в представленном материале признаки принадлежности исполнителя к конкретной общественной организации?

5. Могут ли опубликованные материалы способствовать эскалации политического конфликта? Может ли распространение информационных материалов являться способом рекрутинга и вовлечения в политическую деятельность организации?

6. Соответствует ли деятельность общественной организации целям, задачам и

видам деятельности, указанным в учредительных документах организации?

7. Способен ли размещенный информационный материал оказать влияние на политический рейтинг и репутацию указанных в нем лиц с точки зрения прикладного политологического анализа?

8. Как следует интерпретировать данное изображение, сопровождаемое наименованием социальной группы? Способна ли публичная демонстрация исследуемого изображения (карикатуры, инсталляции, коллажа, плаката) создать кризисную политическую ситуацию (спровоцировать политический конфликт)?

Заключение

В статье обобщена практика производства комплексных психолого-лингвисти-

ческих и социогуманитарных экспертиз политологической направленности: конкретизирована роль специальных политологических знаний в процессе судопроизводства; рассмотрена проблема использования специальных политологических знаний в аспекте формирования нового рода судебной экспертизы – судебной политологической экспертизы; уточнены ее предмет, объект и задачи.

Обоснована целесообразность разработки программы дополнительного профессионального образования по экспертной специальности «Политологическое исследование информационных материалов» для переподготовки и подтверждения компетентности государственных судебных экспертов в рассматриваемой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 231 с.
2. Сунгуров А.Ю., Шамшура К.А. Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. 2020. № 1. С. 64–86.
<http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>
3. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9–26.
4. Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2004.01.12>
5. Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.
6. Ильин М.В., Малинова О.Ю., Мелешкина Е.Ю. Развитие политической науки в современной России // Политология в постсоветских государствах: сборник научных трудов / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина, В.В. Смирнов. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 179–232.
7. Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7–31.
8. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
9. Тормосева В.С. Современные подходы к интерпретации политического пространства // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 167–172.

REFERENCES

1. Sungurov A.Yu. *Expert Communities and Power*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. 231 p. (In Russ.).
2. Sungurov A.Yu., Shamshura K.A. Political Science and Expert Knowledge: Development in Modern Russia. *Political Science*. 2020. No. 1. P. 64–86. (In Russ.).
<http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>
3. Makarychev A.S. States, Expert Communities and Modes of Knowledge-Power. *Political Science*. 2015. No. 3. P. 9–26. (In Russ.).
4. Degtyarev A.A. Policy Analysis as an Applied Discipline: Subject Field and Lines of Development. *Polis. Political Studies*. 2004. No. 1. P. 154–168. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17976/jpps/2004.01.12>
5. Tulchinskii G.L. Explanation in the Political Science: Constructivism vs Positivism. *Public Policy*. 2017. No. 1. P. 76–98. (In Russ.).
6. Ilyin M.V., Malinova O.Yu., Meleshkina E.Yu. Development of Political Science in Modern Russia. *Political Science in the Post-Soviet States: Collection of Scientific Papers*. E.Yu. Meleshkina, V.V. Smirnov (eds.). Moscow: INION RAN, 2004. P. 179–232. (In Russ.).
7. Chikharev I.A. Problems of Political Space and Time in Modern Political Science and International Studies. *Political Science*. 2009. No. 1. P. 7–31. (In Russ.).
8. Pushkaryova G.V. Political Space: Problems of Theoretical Conceptualization. *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 166–176. (In Russ.).
9. Tormosheva V.S. Contemporary Approaches to Political Space Interpretation. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2016. No. 6 (57). P. 167–172. (In Russ.).

10. Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 5–20. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.02>
11. Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской парадигмы // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 21–33. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.03>
12. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.02.02>
13. Сморгун Л.В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 122–133.
14. Гуманитарные технологии и политический процесс в России. Сборник статей / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Издание Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. 224 с.
15. Савенков Р.В. Трансформация политико-правовых возможностей публичного оспаривания в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 170–192. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10054>
16. Ахременко А.С. Голосование «против всех» в 1995–2003 гг: результаты эмпирического исследования // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 92–102.
17. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-раз Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ЭКОМ-Публишер, 2011. 326 с.
18. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
19. Охотин Г., Смирнова Н. От белых лент до мыльных пузырей. Социальный протест в России через призму политических задержаний // Реформа полиции: дискуссии и комментарии экспертов. Материалы международной конференции «Права человека и правоохранительные органы: опыт реформ современного периода» / Под ред. А. Новиковой. М.: Фонд «Общественный вердикт». 2014. С. 10–19.
20. Судебная экспертиза по делам об экстремизме: справочник для судей, следователей, прокуроров, дознавателей, оперуполномоченных, адвокатов, правозащитников / О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, М.М. Градусова, А.А. Королев, Р.Ю. Ракитин, И.В. Хухра, Я.Ю. Шашкова / Под общ. ред. к. ф. н. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Новый формат. 2016. 79 с.
10. Ilyin M.V. Phenomenon of Political Time. *Polis. Political Studies*. 2005. No. 3. P. 5–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.02>
11. Chikharev I.A. Chronopolitics: Development of a Research Program. *Polis. Political Studies*. 2005. No. 3. P. 21–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.03>
12. Filippov A.F. Space of Political Events. *Polis. Political Studies*. 2005. No. 2. P. 6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.02.02>
13. Smorgunov L.V. Political Event Knowledge and Its Significance for Modern Comparative Political Science. *Polis. Political Studies*. 2011. No. 1. P. 122–133. (In Russ.).
14. Smorgunov L.V. (Ed.). *Humanitarian Technologies and Political Process in Russia. Collection of Articles*. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2001. 224 p. (In Russ.).
15. Savenkov R.V. Transformation of Political and Legal Opportunities for Public Contestation in Russia. *Public Administration. E-Journal*. 2020. Vol. 79. P. 170–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10054>
16. Akhremenko A.S. Voting «Against All» in 1995–2003: Results of the Empirical Study. *Russia and the Modern World*. 2004. No. 2. P. 92–102. (In Russ.).
17. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Theoretical and Methodological Basis of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts on the Affairs Connected with Counteraction of Extremism*. Moscow: EKOM-Publisher, 2011. 326 p. (In Russ.).
18. Clement K. (Ed.). *Urban Movements of Russia in 2009–2012: on the Path to Political*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 544 p. (In Russ.).
19. Okhotin G., Smirnova N. From White Ribbons to Soap Bubbles. Social Protest in Russia through the Prism of Political Arrests. *Police Reform: Discussions and Expert Comments. Proceedings of the International Conference “Human Rights and Law Enforcement Agencies: Experience of Modern Period Reforms”* / A. Novikova (ed.). Moscow: Public Verdict Foundation, 2014. P. 10–19. (In Russ.).
20. Matveeva O.N., Vyazigina N.V., Gradusova M.M., Korolev A.A., Rakitin R.Yu., Khukhra I.V., Shashkova Ya.Yu. *Forensic Expertise on Extremism Cases: Guide for Judges, Investigators, Prosecutors, Detectives, Lawyers, Human Rights Activists* / O.N. Matveeva (ed.). Barnaul: Novyi format, 2016. 79 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галаева Ольга Владимировна – к. полит. н., ведущий научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
e-mail: o.v.galaeva@yandex.ru

Гулевская Виктория Владимировна – к. юр. н., начальник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире» МГТУ им. Н.Э. Баумана;
e-mail: vika-gulevskaya@rambler.ru

Омельянюк Георгий Георгиевич – д. юр. н., профессор, заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры «Безопасность в цифровом мире» МГТУ имени Н.Э. Баумана, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО РUDN; профессор кафедры земельных ресурсов и оценки почв факультета почвоведения МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHORS

Galaeva Olga Vladimirovna – Candidate of Political Science, Lead Researcher of the Department of Innovations in the Forensic Practice of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation;
e-mail: o.v.galaeva@yandex.ru

Gulevskaya Viktoriya Vladimirovna – Candidate of Law, Head of the Department of Innovations in the Forensic Practice of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Associate Professor of Security in the Digital World Department of the Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: vika-gulevskaya@rambler.ru

Omel'yanyuk Georgii Georgievich – Doctor of Law, Professor, Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Professor of Security in the Digital World Department of the Bauman Moscow State Technical University, Professor of the Department of Forensic Activities, Institute of Law, RUDN University; Professor, Department of Land Resources and Soil Assessment, Faculty of Soil Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: g.omelyanyuk@sudexpert.ru

Статья поступила: 02.02.2023

После доработки: 20.03.2023

Принята к печати: 27.03.2023

Received: February 02, 2023

Revised: March 20, 2023

Accepted: March 27, 2023